

Э. Грейс

КСЕН, ОБВИНЕННЫЙ В УБИЙСТВЕ ПО АФИНСКОМУ ПРАВУ*

Возникает вопрос: мог ли не-гражданин внести жалобу на афинского судью во время ревизии его деятельности (εἰδύναι)? Ибо в нашем случае такая жалоба обязательно была бы предъявлена ответчиком (если он еще был жив) или его родственниками. По этому поводу известно очень мало, а то, что известно, нельзя оценить однозначно. Липсиус опирается в своем мнении о том, что метеки, или по крайней мере ἰσοπολίταις, возможно, предпочитали выдвигать обвинения во время ревизии, на речь Лисия против Эратосфена, бывшего члена совета Тридцати, во время отчета которого (см. Arist. Ath. pol. XXXIX.6; и I.9) эта речь, как считается, и была произнесена (AR. P. 106 и прим. 209; ср. Vizos в Lysias. I. P. 157). Однако, не совсем ясно, каким был статус Лисия в тот момент (см. Vizos, loc. cit. прим. 2). По поводу собственно ксенов-неметек Липсиус (loc. cit.) цитирует только Dem. XIX.81 и тут же отвергает этот отрывок как имеющий скорее риторическое, нежели правовое значение. Таким образом, у нас по существу нет сведений, которые показывали бы, что лица этих категорий могли вносить жалобы прежде, чем начинались слушания по проверке исполнения магистратом своих служебных обязанностей.

Тот факт, что ответчик-митиленец в Antiph. V был гражданином полиса, входившего в состав афинской архе, который, кроме того, имел с Афинами соглашение типа συμβολαί, тоже может быть использован в данной связи. В положении союзных государств и их граждан соединялись два противоположных элемента: ограничение или фактическая потеря политической независимости, которая приводила к определенному сокращению суверенитета также и в юридической сфере (указание на это содержится в § 47); и, с другой стороны, расширение судебных прав граждан подчиненных государств вплоть до предоставления доступа в афинские суды наравне с афинскими гражданами в случае возникновения тяжбы между первыми и вторыми. Это, я полагаю, важно отметить для того, чтобы показать, в определенном и немаловажном отношении, структурные особенности и границы «имперского» контроля Афин над своими подчиненными-союзниками в обоих союзах.

В афинских союзах не существовало политической интеграции на государственном уровне, возможно, ее и не могло существовать ввиду своеобразия полисных институтов, которые не позволяли выйти за пределы замкнутой сферы гражданской общины. Однако в них могла развиваться и, по-видимому, развивалась тенденция к тому, что можно было бы назвать горизонтальной (не предполагающей глубокой политической перестройки) интеграцией граждан подчиненных государств в состав гражданской общины господствующего. И даже если эта тенденция затрагивала, согласно нашим данным, только юридическую сферу, ни в коей мере не затрагивая сферу политических прав, она тем не менее имела определенное политическое содержание. Гражданство,

*Окончание. Начало см. ВДИ. 1992. № 4. С. 28—46.

даже если оно было гражданством другого полиса, будучи однажды признано имеющим силу в отношении отдельного института данного полиса, позволяло обладающему им в определенном смысле войти в избранный круг «членов сообщества» (на это, в частности, указывает уверенность, с которой митиленец утверждает свое право на преследование по дике фону). И концепция гражданства, и его реальное содержание переживали тенденцию к расширению. Но, конечно, это вовсе не уменьшало недовольства подчиненных государств, вызванного их политическим «порабощением» (см. в ATL. III. P. 155 анализ термина *δοῦλεῖα*, употребляемого в этом смысле у Фукидида), которое продолжало проявляться как в открытых протестах, так и лести в адрес афинского демоса (в лице его судей), со стороны «граждан», приходивших в Афины для ведения тяжбы (см. [Xen.] Ath. pol. I.18; этот же тон слышится и в речи митиленца). Затронутая нами проблема сложна и обширна и не может быть исследована здесь в должной мере. Достаточно сказать, что особая позиция этого ответчика-митиленца по отношению к афинским правовым институтам, тем более что она определяется союзническими отношениями (*συμβολαί*) между Афинами и его государством, позволяет, по крайней мере, представить, что ответчик (или его родственники) могли иметь доступ даже к такому исконному афинскому институту, как *εὐδυναί* магистратов — хотя у нас и нет достоверных свидетельств об этом.

Между тем то, что Одиннадцать могли опасаться жалобы со стороны ответчика или его родственников за признание незаконного апагоге, — лишь одно из возможных предположений. Другое состоит в том, что, напротив, в этой ситуации они скорее отвергли бы правовые сомнения, если бы того потребовали другие интересы. Однако, на мой взгляд, здесь слишком много неясностей, чтобы обстоятельства дела могли окончательно подтвердить простой вывод о том, что, принимая во внимание чужеземный статус ответчика, Одиннадцать с легкостью санкционировали бы заведомо незаконную форму преследования — апагоге, либо предоставить достаточные основания для смелой гипотезы о том, что чужеземный статус обвиняемого делал законной процедуру, которая была бы незаконна по отношению к гражданину — хотя в защиту этой гипотезы можно было бы привести некоторые параллели из афинской юридической практики (они будут рассмотрены в следующем разделе работы). Так или иначе, ясно одно: если вслед за МакДоуэллом мы полностью проигнорируем чужеземный статус ответчика, то будем не вправе обойти вниманием юридическую ответственность Одиннадцати и нам придется как-то увязать их санкцию с одним из видов преступлений, подлежащих преследованию по апагоге. При прочих равных условиях их решение зависело бы главным образом от того, как было сформулировано обвинение.

МакДоуэлл (ANL. P. 137), по-видимому, считает, что для признания апагоге было достаточно, чтобы обвинители просто объявили арестованного как кургом, — хотя и не говорит, какое преступление или преступления, по его мнению, имеются в виду под этим термином (который, как мы видели, возможно, и не является строго определенным правовым понятием). Он отмечает только, что, согласно утверждению обвиняемого, в число этих преступлений не входило убийство. Но если исходить из сообщения Лисия, мы должны предположить, что, если обвинение ограничивалось утверждением какургии, Одиннадцать скорее всего обратились бы к стоящему за этим словом *corpus delicti*, τὰ ἔργα³², т.е.

³² Lys. X.10 (с едким сарказмом в адрес оппонента выступающего): «Подобно одному из Одиннадцати ты и ареста не утвердишь... если кто-либо был схвачен за "продажу рабов" — καὶδ' ἔξαγαγὼν (ворист здесь, похоже, исключает поимку с поличным) — «ты скажешь, он не является душепродавцем, вель ты готов сколько угодно спорить о терминах (τοῖς ὀνόμασι), но никогда не задумаешься над их реальным содержанием (τοῖς ἔργοις)». См. комментарий Жерне о правовой ответственности Одиннадцати в подобных случаях (Lysias. I. P. 146. Not. 1) — хотя я бы поспорила с его примером (Lys. XIII. 85 f., см. выше, прим. 6).

стали бы настаивать на более детальной формулировке. Если бы выяснилось, что основным пунктом обвинения было φόρος, даже квалифицированное как «крайне порочное деяние» (ср. 10), можно с уверенностью сказать, что при обычных условиях — а именно такими они, по-видимому, представлялись и ответчику, и МакДоуэллу — Одиннадцать в этом случае не признали бы правомочным преследование по апагоге какургов (если принять, что преступления, охватываемые термином «какургия», действительно каким-то образом ассоциировались у самого ответчика, а также в подавляющем большинстве правовых источников IV в. с этим видом апагоге). Тот факт, что Одиннадцать все-таки признали этот способ преследования, должен означать, что обвинители представили им такие έρουα, которые либо характеризовали обвиняемого как какурга, с точки зрения закона (или законов), определяющих этот вид апагоге, либо делали необходимым — по причинам, связанным с преступлением или даже лежащим за его пределами (возможно, в угоду государственным интересам), — заключение преступника под стражу до суда (§ 13), что было бы невозможным в случае преследования его по дике фону.

Гипотеза, с которой в ее глотцевской версии так быстро расправляется МакДоуэлл, а также другие предположения, например, что убийство Герода было связано с грабежом (см. Lipsius. AR. P. 325. Not. 30. P. 330. Not. 48), — это, в конечном счете, попытки дать правовое обоснование тому факту, что Одиннадцать разрешили и поддержали преследование по άλαουήη какоβρουων человека, обвиненного в убийстве. Уникальность этого случая делает еще более важной и в то же время исключительно трудной такую оценку ситуации, которая не выходила бы за рамки имеющейся у нас правовой и любой другой информации в сомнительную область чистых предположений. Отталкиваясь от исходного условия и центральной проблемы этой ситуации — принятия Одиннадцатью преследования по апагоге и возможных причин такого решения, я предлагаю заново проанализировать данные с точки зрения двух вышеупомянутых моментов: использования обвинителями против митиленца формулировки «какоβρουηα», а также факторов, не связанных с самим преступлением (понимаемым в узком смысле: как поступок и непосредственно относящиеся к нему обстоятельства), которые, однако, могли оказать влияние на решение Одиннадцати.

Можно считать установленным, что в составе иска, представленном обвинителями, не были упомянуты два из четырех или пяти видов преступлений, которые засвидетельствованы в источниках в качестве разновидностей «порочных деяний», подлежащих преследованию по апагоге, а именно воровство и различные виды насильственных действий и грабежа, названные мной «раздеванием» (см. прим. 17). Ответчик специально подчеркивает, что обвинители не могут приписать ему ни одного из этих преступлений. И поэтому, заявляет он, сами продемонстрировав мою невиновность в этих преступлениях, обвинители «дали вам [Одиннадцати], по крайней мере в отношении апагоге, все правовые и судебные основания для того, чтобы оправдать меня» (§ 9). По-видимому, два вышеназванных преступления, с точки зрения выступающего, исчерпывали содержание понятия какоβρουωс, хотя его определение, как мы знаем, не включает их полный список. Но даже сообщение Аристотеля не содержит перечня всех преступлений, которые мы находим в других источниках, и имеющийся у нас список, возможно, также неполон. Он мог включать, например, нападение с целью грабежа, даже если оно привело к смерти пострадавшего. Человек, подвергшийся нападению ночного вора, мог преследовать его при помощи апагоге перед лицом Одиннадцати, согласно Солонову закону о воровстве (см. Dem. XXIV.113—114). С другой стороны, Dem. LIV.25, 28 показывает, что нападение, которое сопровождалось не только кражей одежды (8—9), но и невышленным убийством пострадавшего, могло преследоваться по дике фону перед лицом Ареопага (см. MacDowell. AHL. P. 59 f.). Судя по тому, что род

ственики Герода включили в состав обвинения формулировку «смерть в результате нападения и ограбления», они, как видно, имели возможность выбрать способ преследования. Однако в единственном похожем случае, деле о вольноотпущеннице (*Dem.* XLVII.58—59б, 67—73), тому, кто мог бы выступить в роли обвинителя, явно не приходит в голову преследовать по апагоге какургов убийц, совершивших подобного рода нападение, даже несмотря на то, что преследование по дике фону для него невозможно, поскольку женщина не была ни его родственницей, ни его рабыней³³. Ответчик-митиленец, разбирая мотивы, которые могли быть приписаны ему в связи с убийством Герода, дважды упоминает мотив грабежа (57, 60) только для того, чтобы показать его абсурдность, поскольку, как он заявляет, у Герода не было денег, в то время как сам он не испытывал в них недостатка (63). Конечно, мы не обязаны верить его словам, но вместе с тем в них нет ни намека на то, что обвинение в самом деле выдвигало этот мотив, и еще меньше — что обвинители использовали его для оправдания апагоге.

Едва ли имеется больше оснований для предположения о том, что обвинение содержало пункт о похищении рабов, единственном из трех преступлений, наиболее часто связанных с этим видом апагоге³⁴, которое ответчик опускает в своем определении категории *κακοβροϋς*. Рассказ ответчика о событиях, которые привели к исчезновению и предположительной гибели Герода, начинается следующим образом (§ 20): «В Митилене я сел на один корабль с Геродом... Мы готовились к отплытию в Айнос, я хотел посетить отца, который находился там в это время, он — освободить рабов за выкуп у каких-то фракийцев. Вместе с нами на корабле также были рабы, которых он собирался освободить, и фракийцы, которые должны были заплатить выкуп». Затем он рассказывает, как шторм вынудил их пришвартоваться около Метимны и на ночь пересесть на другой корабль, чтобы укрыться от дождя, и как Герод ночью вышел на берег и больше не появился. Он подчеркивает, что у него с Геродом были разные и вполне естественные причины для путешествия в Айнос, и то, что они были вынуждены остановиться в Метимне в силу случайного каприза погоды: так много совпадений невозможно было подстроить заранее (§ 21). В нескольких словах оживает ситуация: проливной дождь, уютная вечеринка с выпивкой на палубе корабля, откуда, слегка пошатываясь (§ 26), вышел Герод и исчез в штормовой ночи. Простое описание, скупое на детали, но достаточно хорошо выверенное, чтобы представить мысленному взору полную картину и усыпить бдительность. Сыну необходимо навестить отца, Героду — устроить дела иного рода (но столь же естественные), связанные с находящимися здесь же рабами и фракийцами. Но стоит лишь чуть-чуть сместить детали, якобы

³³ Похоже, что ему также не пришло в голову преследовать их по апагоге за убийство (*Dem.* XXIII.80), которое наверняка уже использовалось к тому времени (ок. 356 г. до н.э.). Вполне возможно, что он никогда не задумывался всерьез о том, чтобы каким-либо образом преследовать их за смерть этой женщины, и сейчас хотел только приправить свое главное обвинение во лжесвидетельствовании сообщением о каком-либо злодеянии. Живой рассказ о зверском нападении его оппонентов на старую служанку удивительно не гармонирует с навязчиво повторяющимся замечанием о том, что именно он, а не они, первым предложил и был готов подвергнуть попытке другую женщину такого же или сходного социального положения, но не из своих слуг. См. ВДИ. 1968. № 1. С. 28—30.

³⁴ По частоте упоминаний это: воровство (*Aeschin.* I.90—91, 113; *Antiph.* V.9—10; *Arist.* Ath. pol. LII.1; *Dem.* XXII.26—28; XXXV.47; XLV.81; *Din.* II.9—10; *Isae.* IV.28; *Isocr.* XV.90; *Xen.* Mem. I.2, 62; Oec. XIV.5), «раздевание» (*Aeschin.* I.90—91; *Antiph.* V.9—10; *Arist.* Ath. pol. LII.1; *Dem.* LIV.1, 8, 24; *Isocr.* XV.90; *Lys.* X.10; XIII.67—68; *Xen.* Mem. I.2, 62) и киднеппинг, который по большей части представлял собой похищение рабов (*Arist.* Ath. pol. LII.1; *Isocr.* XV.90; *Lys.* X.10; XIII.67—68; *Xen.* Mem. I.2, 62). Еще важнее этих выкладок тот факт, что из пяти отрывков, упоминающих о киднеппинге, во всех кроме одного речь идет не о частных примерах этого преступления, но о киднеппинге как одной из разновидностей преступлений, связанных с апагоге, — дважды в связи с двумя остальными видами (*Arist.* Ath. pol. LII.1; *Isocr.* XV.90) и дважды — с «раздеванием» (*Lys.* X.10; XIII.67—68).

совсем простые и невинные, как картина представится в другом свете: когда шторм заставляет их укрыться в гавани Метимны, любящий сын заключает сделку с фракийцами — он напоит Герода, выставит его на улицу, в дождливую тьму, затем поплывет с ними в Айносе, получит с них выкуп (разумеется, на более мягких условиях) и поделит деньги со своим старым отцом. Если уловка, примененная к истцу, для которого Гиперид написал речь «против Афиногена», могла послужить основанием для ареста Афиногена в качестве ἀνδραποδιστής (см. § 12 этой речи), было бы резонно полагать, что ситуация с ответчиком в пятой речи Антифонта еще легче могла быть истолкована подобным образом. Афиноген просто «вернул в рабство» (как выяснилось, в результате с большой выгодой для себя) Мидаса и его семью, изменив первоначальные условия договора (согласно которому истец должен был выкупить их и отпустить на свободу) таким образом, что он превратился в договор о продаже (§ 5—6)³⁵ Митиленец, получающий выкуп вместо Герода, с гораздо большими основаниями мог быть признан похищающим его рабов — также ради извлечения денежной прибыли.

Такая возможность — увы! — не подтверждается в речи ничем, кроме факта присутствия на борту корабля рабов и готовых их выкупить фракийцев, а также отсутствия пункта о похищении рабов в определении какургии, которое дает ответчик. И все-таки я осмелюсь утверждать, что в этой реконструкции не больше чистой выдумки, чем в гипотезе о том, что афиняне, как правило, преследовали ксенов, обвиняемых в убийстве, по апагоге какургов, гипотезе, с трудом находящей основу в деле митиленца, поскольку он сам слишком явно ее игнорирует. Что же касается отца, ожидающего сына в Айносе, его благодетельный портрет, нарисованный в следующем отрывке речи, по крайней мере, не противоречит смыслу моей реконструкции преступления и в то же время указывает на то, что его деятельность в Айносе, равно как и в Митилене, вызвала нечто большее, чем подозрение в Афинах. Сын изображает его достаточно могущественным человеком, который был вольно или невольно вовлечен в восстание 428 г. до н.э., подвергся нападкам, если не судебному преследованию, в Афинах за свою последующую деятельность, в том числе и во время пребывания в Айносе. Там он, возможно, продолжал обогащаться, пользуясь средствами, вызывающими возмущение афинян, и в любом случае был на безопасном расстоянии от афинских сикофантов (§ 76—79).

Независимо от того, были ли предполагаемые преступления отца напрямую связаны с теми, которые обвинение вменяло его сыну³⁶, — а два персонажа несомненно были связаны тем или иным образом, иначе сыну не понадобилось бы защищать в своей речи и отца — совершенно ясно, что оба они находились в тени, и этим обстоятельством мог воспользоваться Ликин, которому обвинение приписывало не последнюю роль в совершении «злодеяния», вменяемого ответчику.

³⁵ Эта интерпретация предполагаемого применения к Афиногору апагоге, какой бы натянутой она ни была, похоже, все-таки менее натягута, чем та, которая намечена у Липсиуса (AR. P. 78. Not. 104) и подробно изложена у Буртта (MAO. II. P. 438. Not. a) и Коллина (Hyperid. P. 204 — перевод: *comme visant a reduire un homme libre [т.е. истца] en esclavage*) и прим. 2). Если мое толкование верно, то это единственный известный мне случай, где киднеппинг, как преступление, подлежащее преследованию по апагоге, принимает вид обращения в рабство свободных. Однако основной смысл шутки, которую сыграл с истцом коварный египтянин (см. § 3), состоял в списании на нового хозяина долгов Мидаса, что можно было бы определить как «получение прибыли от обманной сделки с использованием рабской собственности другого лица» — таким же образом рисуют нам главное содержание киднеппинга и другие сообщения об апагоге. См. *Lys. X.10; XIII.67—68*, ср. *Lyc. frg. 61*, Sauppe. *Harposcr. s.v. ἀνδραποδιστής* и перевод Буртта (MAO. II. P. 149): «работоторговцы, которые попросили крадут наших слуг» (слуга — общепринятый и потенциально неправильный перевод термина οἰκίτης, который означает просто «раб»).

³⁶ Достаточно прозрачный намек на это содержится в § 79: «Вы не должны верить клеветническим обвинениям против моего отца в связи с его частными делами; деньги — вот цель всех их козней (παράσκευῆ) против него и меня».

Это впервые становится ясно из § 53—54, где ответчик говорит о записке, якобы адресованной им Ликину, в которой сообщается о том, что дело сделано (τέδνηκεν ὁ ἀνὴρ). Само собой разумеется, что он отвергает этот документ как подделку. В § 57 ответчик говорит: «Они осмеливаются утверждать, что я убил человека, чтобы оказать кому-то услугу (χάρτι). Но кто же совершает такое в угоду другому человеку?». Немного дальше оказывается, что этим «другим человеком» был тот же самый Ликин. Здесь (§ 60—61) становится еще более очевидным, что обвинители считали Ликина прямо заинтересованным в смерти Герода. Ответчик отрицает это, формулируя и отклоняя в отношении Ликина те же возможные мотивы его заинтересованности в смерти Герода, которые он ранее опроверг (§ 57—59) в отношении себя самого. Основной мотив убийства Герода, который, по словам ответчика, приписывали ему обвинители — оказание услуги другому человеку — теперь получает более определенную форму, в которой ответчик с легкостью опровергает его: «И тогда, даже если у Ликина были самые серьезные причины желать смерти Герода (исходя из аргумента моих обвинителей), и он не хотел совершить убийства сам, как я мог согласиться сделать это вместо него? Не в том ли состоит их версия, что я должен был рискнуть своей жизнью, а он был готов оплатить этот риск? Но такое предположение не проходит, ведь деньгами располагал как раз я, а не он» (§ 62—63). Но, возможно, версия их состояла не в этом, а в том, что, как предполагает слово χάρτι (§ 57), Ликин предлагал отцу с сыном политическое покровительство, с тем чтобы отразить атаки, которые, по словам ответчика, были направлены против них в связи с последними событиями в городе и, возможно также, против их последующей политической и/или коммерческой деятельности.

Но попробуем предположить, что деньги рассматривались как главный мотив ответчика и в качестве обвинения ему было предьявлено «убийство за плату». По крайней мере в речи содержится больше оснований для этой гипотезы, чем для предположения об убийстве с целью грабежа. Все, что делалось в частном порядке за плату (μισθός), несло на себе определенный «рабский» оттенок (сведения об этом, действительно, мы черпаем главным образом из консервативных сочинений IV в.). Возможно, такая формулировка преступления позволяла вывести за рамки дике фону то, что по существу оставалось обвинением в убийстве. Существуют, однако, два достаточно серьезных возражения против того, чтобы объяснить этим согласие Одиннадцати на апагоге. Во-первых, такое предположение не объясняет, как убийство за плату могло попасть в категорию преследуемого по апагоге какургов, позднейшая область применения которого, согласно нашим источникам, охватывает преступления, связанные с нарушением прав собственности (и хотя ἀνδραποδιότης мог совершить и другие нарушения, необходимость его преследования по апагоге определялась именно этим — см. Arist. Ath. pol. II.1). Во-вторых, сомнительно, чтобы исполнитель чужого замысла в меньшей степени считался бы убийцей только потому, что получил плату за убийство. У нас есть надежные свидетельства, что в случае убийства исполнитель и организатор считались в равной степени ответственными за содеянное и одинаково подлежали преследованию по закону об убийстве³⁷.

Если «злодеяние» (κακούρημα), вменяемое ответчику, не определялось обвинителями как кража рабов или убийство за плату — а оба эти предположения неудовлетворительны: одно из-за отсутствия достаточно убедительных данных,

³⁷ См. And. I.94 и MacDowell. AHL. P. 64, 66, 125 f., где он приводит этот отрывок в подтверждение того, что организатор убийства подлежит не менее суровому наказанию, чем тот, кто приводит его в исполнение. Но этот случай а fortiori подтверждается условиями амнистии 403 г. до н.э. — см. Ath. pol. XXXIX.5 и MacDowell. AHL. P. 67, 137 f. Платон предполагает некоторую снисходительность к организатору: после казни он может быть похоронен «на своей собственной земле» (Leg. 872a, ср. 871d).

другое — по юридическим причинам — тогда мы должны посмотреть, какие внешние, не имеющие отношения к самому преступлению обстоятельства могли склонить Одиннадцать к принятию апагоге. Здесь я согласилась бы с молчаливым доводом МакДоуэлла, что чужеземный статус ответчика сам по себе не может объяснить ситуацию, тем более на основе предположения о том, что существовала устойчивая практика преследования ксенов, обвиняемых в убийстве по ἀλαοῦσῃ κακοῦρουσιν. Заявление ответчика о незаконности применения в его случае такой процедуры и особое значение, которое он уделяет этому доводу, невозможно отбросить как чистую риторику. С моей точки зрения, митиленец не только был уверен в своем праве предстать по обвинению в убийстве перед Афинским уголовным судом, но и действительно обладал этим правом. Если принять это и отвергнуть другие предположения, объяснение тому, что его преследование по апагоге как кургов было принято, нужно искать в обстоятельствах, не связанных ни с характером вменяемого ему преступления (будь то κακοῦρουσία или φόβος), ни с тем простым фактом, что он являлся ксеном. Я предполагаю, что обвинение (клеветническое или нет — это уже другой вопрос), составленное для Одиннадцати обвиняющей стороной, содержало утверждение о заговоре против имперских интересов Афин, возможно, на Митилене, недавно вновь силой подчиненной, оккупированной и все еще бурлящей, или в какой-нибудь другой столь же неспокойной области, во фракийском регионе, где он мог быть связан с компрометирующей или нечестной или «нелояльной» в отношении афинян коммерческой деятельностью («частная» деятельность его отца — § 79, и его предубеждения против Айноса — § 78). В первом случае обвинители могли утверждать, что ответчик, Ликин³⁸ и возможно, кто-то еще готовили в Митилене новое восстание (и действительно, несколько позже, в 412 г., Митилена присоединилась к общему восстанию после того, как стало известно о сицилийской катастрофе — Thuc. VIII.22—23), в то время как Герод представлял здесь афинские интересы.

Последнее из предложенных мной объяснений принятия Одиннадцатью процедуры апагоге, примененной против митиленца, уже в силу того, что оно позволяет обойти главные правовые сложности, имеет преимущество перед двумя другими, поскольку оно не отрицает вывода о том, что убийство было основным, если не единственным уголовным компонентом вменяемого ответчику «злодеяния». Но это объяснение, конечно, так же условно и недоказуемо, как и любое другое. Более того, во всех трех предложенных объяснениях отправной точкой был тезис ответчика о том, что, несмотря на свой статус ксена — а он определенно не пытается ни скрыть, ни затушевать этот факт — он имел право на преследование в Афинах по дике фону, тезис, который, похоже, находится в роковом противоречии с точкой зрения, приведенной в начале настоящего исследования: что Драконтов закон об убийстве распространялся только на преступников из числа граждан. Но ведь требование митиленца — это единственное четкое современное свидетельство о положении ксенов, совершивших убийство, с точки зрения аттического уголовного права. По существу уникальность этого свидетельства, не меньше чем его содержание, способствовала возникновению двух противоположных теорий, представляющих две крайние точки зрения на этот казус: 1) что ответчик неправ и примененная против него процедура санкционирована законом или юридической практикой в качестве альтернативы дике фону, используемой для преследования ксенов и 2) что ответчик прав, Одиннадцать оправдали явно незаконное апагоге и его чужеземный статус не имеет никакого отношения к вопросу о процедуре.

³⁸ Эта гипотеза не предполагает с необходимостью, что Ликин был митиленцем, хотя, на мой взгляд, он вполне мог быть им. Как и в случае с Геродом (см. прим. 2), здесь обычно принимается мнение Бласса (основанное на упоминании в § 61 о возможном иске против Ликина «на основании ваших законов»), который считает его афинянином (см. *Gernet. Antiphon. P. 123. Not. 2; ср. PA № 9179*). Что же касается юридических соглашений, существовавших между Афинами и Митиленой в то время, я не думаю, что § 61 должен здесь что-то доказывать.

Однако как в самой речи, так и вне ее существует достаточно свидетельств, показывающих, что дело митиленца расследовалось в такой юридической ситуации — определялась ли она *συμβολαί*, существовавшими, как известно, между Афинами и Митиленой в это время, или уставом архэ, намек на который содержится в § 47, или тем и другим — которая ставила этого конкретного чужеземца в равное, с точки зрения права, положение с афинским гражданином в Афинском суде. В этом смысле, следовательно, дело должно рассматриваться (по крайней мере, в своей основе) как исключительное, и здесь нет противоречия с точкой зрения, высказанной в начале настоящего исследования. Уникальность этого случая, свидетельствующего о процессе над обычным ксеном, обвиненным в убийстве в Афинах, сделало неизбежным повторное исследование этого дела, особенно с точки зрения процедуры. Результат в том, что касается самого дела, сводится к признанию того факта, что оно ничего не может сказать нам о правилах или распространенной практике, применяемой при ведении обычных дел. Поведение обвиняющей стороны в деле Герода нельзя признать типичным по отношению к убийце — гражданину полиса, правительство которого не имело с Афинами ни договора, ни какого-либо другого юридического соглашения, регулирующего такого рода правовые споры. Каково было в это время или в какой-либо другой период на протяжении пятого и четвертого столетий численное соотношение находящихся проездом в Афинах и на контролируемых ими территориях ксенов, подпадающих и не подпадающих под это регулирование — вопрос, на который я не могу ответить даже в форме более или менее правдоподобной догадки. Но даже если количество последних было относительно невелико³⁹, они все же могли совершать убийства, и вопрос о том, каким образом их привлекали к суду, поэтому остается в силе.

Что касается двух противоположных мнений в отношении дела Герода, мне кажется, что приверженцы одного из них заблуждаются, связывая вопрос об аттическом праве и юридической процедуре вообще (почему человек, обвиняемый в убийстве, был привлечен к суду при помощи апагоге какургов?) с вопросом о способах, которые афиняне использовали для привлечения к суду чужеземца, обвиняемого в убийстве. Действительно, дело Герода, похоже, демонстрирует эту мнимую связь, и поскольку у нас нет больше ни одного ясного свидетельства, позволяющего судить о соотношении двух этих вопросов (по причинам, указанным в ВДИ, 1992, № 4, с. 44 сл., дело Агората в качестве параллельной ситуации можно игнорировать), естественно, что в этом свидетельстве склонны искать ответа на оба вопроса и выводить общее правило на основании процедуры, использованной против ответчика-чужеземца. Вывод, как мне кажется, не слишком удачен, но вызванная им дискуссия продвинула решение интересующей нас проблемы на значительный шаг вперед. Постули-

³⁹ По-видимому, необходимо учитывать возможное наличие этого регулирования в нескольких случаях, где сообщается об участии ксенов в составе одной из тяжущихся сторон в публичных исках. Дело андросца Эпайнета, который предъявил фесмофетам иск (*γραφή*) против гражданина Стефана, утверждая, что тот незаконно поместил его в тюрьму по ложному обвинению в прелюбодеянии (*Dem. LIX.64—47*), приводится у Липсиуса в доказательство того, что когда *γραφή* касалось причинения ущерба конкретному человеку, последний обычно и осуществлял преследование (хотя в принципе сделать это мог любой уважаемый (*εὐτιμὸς*) гражданин), даже если он был чужеземцем (*AR. P. 243 f.*, ср. p. 66: «kannten alle öffentlichen Klagen nur einen sachlichen, keinen persönlichen Gerichtsstand», ссылаясь на *Dem. XIV.4*, см. ниже, прим. 43). Не имеет ли отношения к делу Эпайнета то обстоятельство, что Андрос был в то время (в середине IV в.) членом Второго афинского морского союза (*Tod. GHI. II. P. 67, 166*, см. также ниже, прим. 40). В другом отрывке, приведенном у Липсиуса (*AR. P. 244. Not. 15*), повествующем о внесении карийцем *πρωβολή* против беотийца (*Dem. XXI.175—177*), оскорблением праздника, послужившим основой *πρωβολή*, была попытка одного из этих ксенов, пока мистерии еще продолжаются, наложить арест на имущество другого за ущерб, нанесенный в ходе торговой тяжбы (*ἐμπορικὴ δίκη*), в сфере судебного разбирательства, где статус сторон не имел значения (*Paoli U.E. Studi di diritto attico. Firenze, 1930. P. 96 ff.*). Ср. *Harrison. Law of Athens. P. 195. Not. 1.*

руя причинную связь между процедурой, примененной к ответчику, и его статусом, приверженцы этого взгляда рассматривают статус как фактор, способный повлиять на способ привлечения убийцы к суду. Напротив, убеждение МакДоуэлла в том, что для дела Герода нет места в дискуссии по уголовному праву, кажется мне шагом назад. И все-таки самым фактом того, что он изымает это дело из области уголовного права, МакДоуэлл тоже продвигает проблему убийцы-чужеземца к решению. Он делает это, настаивая на отделении процедурного вопроса от вопроса о статусе ответчика. Ошибка же его, с моей точки зрения, состоит в том, что в основу этого разделения он кладет предположение о безразличии аттического уголовного права к статусу убийцы. В результате он разрывает предполагаемую связь между процедурой и статусом в деле Герода, вообще отрицая, что второй мог иметь какое-либо значение. И снова: мне кажется, что причиной такой крайней позиции служит уникальность нашего свидетельства: МакДоуэлл вполне мог бы спросить, где доказательства того, что все ксены не обладали теми же правами, на которые претендует этот?

По существу то же самое предположение делает и другая сторона в споре о деле Герода — и действительно, я еще не сталкивалась с обсуждением этого отрывка, которое не исходило бы из той предпосылки (часто она даже не высказывается, не говоря уже о специальном обсуждении), что любой чужеземец, обвиненный в убийстве, мог, согласно аттическому праву, преследоваться по дике фону. По отношению к этому предположению разница между двумя сторонами в современном споре выражается в признании одной из них того, что дике фону, возможно, не было достаточно подходящим инструментом для преследования убийцы-чужеземца. Этот взгляд получает интересное развитие во введении Мейдмента к речи Антифонта «Об убийстве Герода». Мое отношение к «местному» характеру Драконтова закона совпадает с тем, что говорит здесь Мейдмент, и я согласна с ним, что дике фону, по-видимому, никогда не было ни предназначено, ни хорошо приспособлено для преследования чужеземных преступников (MAO. I. P. 151 f.). Но я не могу согласиться с его выводом, основанным на единственном свидетельстве этой речи, что апагоге какургов было альтернативной процедурой, которую афиняне избрали как отвечающую растущей потребности в действенном способе преследования любого чужеземца, обвиняемого в убийстве.

Главная слабость теории Мейдмента, на мой взгляд, — и в этом, опять-таки, «виновато» дело Герода — состоит в том, что он относит ее вообще ко всем чужеземцам, при том, что строит ее, анализируя только одну группу ксенов — граждан подчиненного полиса, входящего в состав Афинской архэ, т.е. на тех ксенов, статус которых должен был регулироваться специальными юридическими установлениями, передающими Афинам право выносить решение по делам подлежащих наказанию смертной казнью, ссылкой или лишением гражданских прав⁴⁰. Более того, если Герод был афинянином, частный случай, положенный Мейдментом в основу своей теории, мог попадать под действие *επιβολαί*, засвидетельствованных в IG I².60 (см. прим. 31). Не одно, так другое, как мне кажется, ставит ответчика-митиленца в нашем случае по отношению к афинскому законодательству в равные условия с нарушителями-гражданами, а это значит, что использованная против него процедура должна быть объяснена прежде всего как применяемая по отношению к человеку, наделенному правами афинского гражданства. Так или иначе, решающим фактором, определяющим правовую позицию ответчика в Афинах, служило не то обстоя-

⁴⁰ С материалом, приведенным в прим. 58, ср. суд в афинском буле над Антипатром, гражданином Иулиса, обвиняемым в убийстве афинского проксена в Иулисе (на острове Кеос), полисе, бывшем в то время членом Второго афинского морского союза — IG II².III=Tod. GHI. II. № 142 (363/2 В.С.), строки 37—40; ср. Busolt—Swoboda. P. 1376. 1389.

тельство, что он был ксеном, но то, что он был гражданином Митилены. На обычного ксена, обвиняемого в убийстве, т.е. того, чей статус не определялся судебным соглашением с его родным полисом или каким-либо постановлением архэ по вопросам юрисдикции, по всей видимости, не распространялось подобное уравнение в правах. Во всяком случае, дело митиленца, поскольку оно не касается «обычных» ксенов, не может свидетельствовать об обратном.

4. «ОБЫЧНЫЙ» ЧУЖЕЗЕМЕЦ

Более чем вероятно, что неопытность автора в области права и его истории постоянно обнаруживается в трактовке сложных проблем, обсуждаемых на этих страницах. «Глупцы бросаются сломя голову», и слишком редко им сочувствует «везенье дураков». Но сказав все это, я хотела бы тем не менее обозначить направление, в котором, как мне кажется, можно искать решение проблемы того, каким образом обычный ксен, обвиняемый в убийстве, мог быть судим в Афинах.

Три отрывка — Aeschin. I.43 и 158, Dem. XXV.57 — сообщают о ксенах-правонарушителях (в одном случае это метек), которые либо были брошены гражданами в тюрьму, либо силой приведены (ἀπάγουσιν) к архонту. Ни одно из этих дел не связано с убийством, но Липсиус приводит их по аналогии в подтверждение тех причин (необходимость защитить истца от обвиняемого), по которым, как он думает, афиняне предпочитают преследовать чужеземцев с помощью апагоге какургов, нежели дике фону; что каждый чужеземец мог преследоваться по дике фону, он выводит из аргументов ответчика в деле Герода (AR. P. 326 f.). Липсиус указывает, что преступления, за которые ксены были подвергнуты немедленному аресту (Aeschin. I.43 и 158), преследовались другим способом, если обвиняемый был гражданином. Третий отрывок, Dem. XXV.57, сообщает о том, как метек был силой приведен к полетам по подозрению в неуплате налога на метеков, и в этом случае, по мнению Липсиуса, апагоге не предполагало передачи дела в суд⁴¹, в то время как суд, «вероятно», должен был последовать за арестом в двух других случаях («wohl aber in den andern»), хотя отрывки не содержат никаких сведений в подтверждение этому. Естественно, что невозможно знать наверняка, какое развитие получил на практике тот или иной правовой шаг, когда о нем известно столько, сколько считал нужным сообщить рассказчик. В отрывке Dem. XXV.57 сообщается только о том, что женщина-метек была приведена в πωλητήριον, и в случае неуплаты μετοίκιον'a ей грозила продажа в рабство. Липсиус доказывает, что какое бы то ни было разбирательство в суде могло последовать не в результате апагоге, но в результате приведенного женщиной или от ее имени контрдовода о том, что она не была обязана платить налог, причем для этого необходимо было особое обращение к другому магистрату, полемарху (AR.

⁴¹ Другой точки зрения придерживается Матье (DPP. IV. P. 183). Мое понимание слов πρὸς τὸ πωλητήριον τοῦ μετοίκιον ἀπάγουσιν отличается от тех, которые предлагаются обычно и либо трактуют слова τὸ πωλητήριον τοῦ μετοίκιον как выражение, обозначающее специальное место, где продают собранный μετοίκιον (см. перевод в изданиях Loeb и Budé), или предлагают опустить «τοῦ μετοίκιον» либо внести какое-нибудь другое изменение в текст (см. Lipsius. AR. P. 100. Not. 185). Гарпократион, s.v. πωληταὶ καὶ πωλητήριον, определяет последний термин (ссылаясь на утерянную речь Исея, в которой он встречается много раз — πολλάκις) как место, где полеты проводили свои заседания и предположительно осуществляли всю свою деятельность (см. Wycherley R.E. The Athenian Agora III Literary and Epigraphical Testimonia. Princeton, 1957. P. 165). Липсиус скептически относится к предположению о втором полетерионе, исправлению текста путем его устранения и степени осведомленности («Sachkenntnis») автора речи. На с. 101, прим. 186, он критикует Мейера за то, что по существу совпадает с моим толкованием, т.е. за понимание μετοίκιον (опуская артикль) как gen. scilicet, зависящего от ἀπάγουσιν. Но разве в этом контексте артикль не мог означать притяжательное прилагательное «ее» (за неуплату ее метекского налога?). Генитив может также выражать причину или зависимость «в связи с метойкионом».

Р. 101). Он более не разбирает этого вопроса, но ценность его аргумента состоит в том, что он абсолютно соответствует имеющейся у нас информации. Вполне логично заключить, что если в записях полетов значилась неуплата налога и женщина не могла внести такой ответной жалобы, какую предполагает Липсиус, полеты, под юрисдикцией которых находилось это дело, имели право немедленно продать ее в рабство.

Очевидно, что это преступление мог совершить только метек, и оно не может служить хорошей параллелью к сообщениям Aeschin. I.43 и 158, которые дают несравненно большие основания считать, что апагоге не вело к судебному разбирательству. С другой стороны, случаи, когда граждан судили за аналогичные преступления, тоже не могут быть, на мой взгляд, достаточным основанием для вывода о том, что в данном случае за апагоге должен был последовать суд. Мнение Липсиуса о том, что он должен был последовать, основывается исключительно на его уверенности, что там, где апагоге использовалось против ксенов вместо процедуры, обычно применяемой по отношению к гражданам за такие же преступления — включая (по крайней мере к концу V в. до н.э.) убийство — оно использовалось с целью обеспечить присутствие обвиняемого в суде. Тому же рассуждению, в особенности, по отношению к делам об убийстве, следовали и другие, но мне кажется, оно не слишком убедительно. Почему человек только из-за того, что он чужеземец, должен был скорее попасть под подозрение в том, что он избежит наказания, особенно смертной казни, убежав из страны? Действительно, ссылка была гораздо страшнее для гражданина, чем для чужеземца, пусть даже метека, которому грозило быть изгнанным не из родного полиса. Но смерть была также страшна, и не все афиняне были подобны Сократу. Аттическое уголовное законодательство признавало право и, таким образом, вполне вероятное желание человека, обвиненного в преднамеренном убийстве, удалиться в изгнание до завершения суда (Dem. XXIII.69; ср. Ant. V.13; IV.1; MacDowell. ANL. P. 113—115), и, по-видимому, нередко граждане, обвиняемые в других серьезных преступлениях, предпочитали добровольное изгнание необходимости, оставшись дома, предстать перед судом (см. And. I.3; Lys. XX.6, приведенный у МакДоуэлла, loc. cit.; ср. Hyperid. Eux. 2). Платон, с одной стороны наделяет граждан своего идеального государства традиционным правом в случае, если они обвиняются в преднамеренном убийстве, избежать судебного разбирательства, но с другой стороны полагает предел практике, очевидно, слишком часто имевшей место в реальном полисе, тем, что обязывает обвиняемых предоставить гарантии своего присутствия в суде, угрожая в противном случае содержанием до суда в оковах (Leg. 871d, e).

Апагоге какургов представляло собой очень древний институт, который имел в виду прежде всего (если не единственно) нарушителей-граждан, и его наиболее суровые черты, немедленный арест и помещение в тюрьму, не следует объяснять главным образом как меры предосторожности, призванные обеспечить присутствие обвиняемого на суде — хотя бы потому, что в своей первоначальной форме этот вид апагоге, как мы можем предполагать с большой вероятностью, влек за собой не судебное разбирательство, но непосредственно решение коллегии магистратов, которая санкционировала арест и осуществляла надзор за содержанием в тюрьме. Эта примитивная форма апагоге, которая сохранялась в классическое время для использования в определенных ситуациях против нарушителей-граждан, могла использоваться таким же образом и против «обычных» ксенов, обвиняемых в убийстве и других тяжелых преступлениях, за которые граждане преследовались либо по дике фону, либо по так называемым общественным искам (γραφή и др.). Косвенное, но уместное подтверждение этому содержится в отрывке из «Политики» Аристотеля.

Гражданин (говорит Аристотель, имея в виду абстрактный полис) является таковым не просто потому, что он живет в определенном месте; не являются

также гражданами и те, кто обладает юридическими правами, т.е. правом преследовать и защищаться в суде (τῶν δικαίων μετέχοντες οὕτως ὡστε καὶ δίκην ὑλέχειν καὶ δικάζεσθαι), поскольку этим правом пользуются также те, кто причастен к нему в силу соглашений — οἱ ἀπὸ συμβόλων κοινωνοῦντες (т.е. ксены), в то время как во многих местах его не разделяют даже метеки (Pol. III.1, 3—4, 1275a). В каком-то смысле права, о которых упоминает Аристотель, составляют единое право доступа к суду, выраженное здесь через две свои взаимодополняющие части⁴², первая из которых, однако, имеет самостоятельное значение. Это первое право — защищать себя или свои притязания в суде против контрадводов обвиняющей стороны на равных основаниях с истцом-обвинителем — было важнейшей частью права «равного голоса», которое было символом свободы и демократии для большинства афинян (см. Dem. XXI.123—125). Произвольное урезывание этого права было существенным признаком тиранического правления Тридцати, наиболее ярко проявившись в судьбе Ферамена, когда он стал представлять очевидную и реальную угрозу для олигархии — или, как ее позднее официально называли афиняне, «анархии», которая была установлена после битвы при Эгоспотамах при диктате Лисандра и держалась у власти благодаря оккупационным силам и гарнизону спартанцев (см. Arist. Ath. pol. XXXIV.2—3; XXXVII.2; Xen. Hell. II.3, § 3, 13; Lys. XII.71, 74; XIII.34). Даже Критий, выступая от имени Тридцати и имея за своей спиной всю мощь лакедемонской армии, чувствовал необходимость оправдать нарушение этого незыблемого права как вынужденную меру со стороны «друзей, которых обманывают» (буле, перед которым он говорил, выказывал некоторые признаки колебания под воздействием красноречия Ферамена) и узаконить нарушение, исключив имя Ферамена из списка граждан, сохраняющих право «не подвергаться смертной казни без вашего голосования» (Xen. Hell. II.3.51).

К обладанию правом доступа в суд, будь то в качестве истца или ответчика, правом, которое в своей полной форме было обычно прерогативой афинских граждан⁴³, ксены допускались (это следует из слов Аристотеля) только на основе συμβολαί с их родными полисами. Верно также и обратное: ксены, не попадав-

⁴² Оно формулируется аналогичным образом и даже при соблюдении того же порядка слов и в соглашениях, например: IG. I².60, 12—13; IG. II².1, 17—18 διδόναι καὶ δεχεσθαι τὰς δίκας; ср. *Harpor.* s.v. συμβολαί : διδόναι καὶ λαμβάνειν τὰ δίκαια. Х.Т. Уэйд-Джери называет такие соглашения «договорами о тяжбах» (*Wade-Gery H.T. Essays in Greek History. Oxf., 1958. P. 189*). Выражение δίκην (τὰς δίκας) ὑλέχειν (διδόναι) амбивалентно: оно может означать как «подчиниться решению суда», т.е. уплатить штраф или возместить ущерб, так и «подлежать судебному преследованию», т.е. защищаться в судебном порядке (ср. *MacDowell. ANL. P. 29 f.*). Эта двусмысленность могла возникнуть благодаря использованию этого выражения в более раннее время, когда судебный процесс начинался с презумпции виновности и ограничивался решением магистратов.

⁴³ В Афинах его разделяли метеки в области частных исков, таких, как иск перед полемархом (прим. 8), — который, согласно Аристотелю (Ath. pol. LVIII.3), передавал в суд жалобы на метеков (ἀπορτησίον...) (Липсиус думает, что они должны были представлять собой γραφαί — AR. P. 65; ср. *Harrison. Law of Athens. P. 165, 189 f.*) — и в области ἐπιλορικῶν δίκαι, которые рассматривались фесмофетами (Ath. pol. LIX.5). Единственный из перечисленных у Липсиуса или известных мне случаев использования γραφή против метека, не связанный со статусом последнего (хотя в этой ситуации выступающий, вне сомнения, должен был поднять вопрос о прошлом рабском статусе ответчика), — эта незавершенная тяжба, которую Аполлодор, по его собственным словам, начал, выдвинув против Формиона γραφή ββρεως за то, что тот женился на его матери (Dem. XLV.4; *Lipsius. AR. P. 66. Not. 51*). Реальность, равно как и законность этой тяжбы, сомнительна (*Gernet. DPC. II. P. 156, Not. 3*), и хронология, возможно, тоже. Более вероятно, что столь скандальный поступок сын совершил, если он вообще мог совершить его, после смерти матери, вслед за своим возвращением после исполнения обязанностей триерарха не в 368, а в 362—360 гг. до н.э. (Dem. L.60), когда ссора с Формионом вспыхнула не на шутку (Dem. XXXVI.14). Формион получил гражданство в 362—360 гг. (Dem. XLVI.13). Аристотель (Ath. pol. XLIII.5) говорит о проβολαί против сикофантов, «афинян и метеков». Доносы последних, я думаю, были связаны главным образом с областью морской торговли, в которой другие общественные меры (φάσις, ἀπαγωγή — см. Dem. LVIII.10—12) могли также применяться против них (или использоваться ими?). См. *Lipsius. AR. P. 312—314*.

шие под условия соглашения, не имели доступа в суд другого полиса. Это общее правило, которое Аристотель приводит в отношении абстрактного полиса; в конкретных полисах оно могло иметь свои особенности. В Афинах IV в., например, в правовых спорах, возникающих по поводу морской торговли и ее финансирования, ксены (даже при отсутствии соглашений) и метеки, причастные к этой сфере деятельности, а также, по-видимому, принадлежащие им рабы имели доступ в суды на равных основаниях с гражданами (Paoli. Studi di dir. att. P. 106 ff.; Gernet. DS. P. 162 f., 181 ff.; ВДИ. 1961. № 3. С. 17 сл.). Лица трех вышеназванных негражданских категорий имели также право тимории (возмездия) за убийство, т.е. участия в составе обвиняющей стороны от лица пострадавшего при разбирательстве в суде Палладиума. Это не должно обязывать ни даже предположительно означать, что человек, вчиняющий иск от лица пострадавшего, метека или ксена, и уж тем более раба, обладал тем же статусом. То, что Аристотель не упоминает этих институтов (которые могли существовать не во всех полисах), не уменьшает значения принципа, ясно подразумеваемого в его высказывании: гражданин одного полиса, как правило, не пользуется доступом к суду другого ни в качестве истца, ни в качестве ответчика.

Приложимость этого принципа в Афинах по отношению к ксенам, а также другим не-гражданам, обвиняемым в убийстве, в предварительном порядке выводилась в начале этого исследования частично исходя из того, что известно нам о Драконтовом законодательстве и частично на основе того факта, что Аристотель, описывая компетенцию басилевса при разборе дел об убийстве, говорит о лицах негражданского статуса не иначе как о жертвах. Рассмотрение процедуры апагоге в ее различных видах, а также принципов ее использования обозначило направление, в котором может быть найден более точный ответ на поднятый ранее вопрос о ксене в собственном смысле слова: каким способом его привлекали к судебной ответственности, если он обвинялся в убийстве?

Принцип, подразумеваемый в высказывании Аристотеля, означает, что в отношении юридических прав (равно как и политических; в классическом полисе первые были отделимы от вторых только для не-граждан) в любом другом полисе, кроме своего собственного, ксен находился в положении *αἰτιος*, в конечном счете, что он стоял «вне закона» любого полиса кроме своего. В силу этого, я думаю, он был также *ἀφύγιος*⁴⁴: «всякий» мог арестовать его на месте и он подлежал наказанию без суда — так же, как Ферамен сделался *αἰτιος* и *ἀφύγιος*, когда Критий, не желая более выносить его присутствия, исключил его имя из списка трех тысяч (Xen. Hell. II.3, 50—51, ср. 55); или подобно тому, как во времена, когда в Афинах правили законы и народ, нелегально возвращавшиеся изгнанники рассматривались как стоящие вне закона и первый встречный мог убить их (Dem. XXII.26—28; Lycurg. Leocr. 121). Эту идею я предлагаю не более, чем в качестве возможного предположения, скорее внутреннего, нежели вполне обоснованного общими соображениями, далеко не однозначными свидетельствами Aeschin. I.43 и 158 и недостатком (возможно, случайным) сведений, указывающих на какое-либо другое решение.

В подтверждение можно добавить еще два отрывка из Платона, хотя их отношение к афинской практике спорно. В «Законах» Платон совсем не склонен рассматривать чужеземца как нечто совершенно внешнее по отношению к законодательству идеального города, а юридические процедуры, которые он предлагает, естественно, довольно часто напоминают предусмотренные реальным греческих правом, в частности, как можно предполагать, в афинском. Возможно, что это справедливо по отношению к его закону об оскорблении действием

⁴⁴ См. Busolt-Swoboda. P. 231 f., 533; Gernet. DPP. II. P. 100—101, Not. 4 — где вместо 6-й главы из Диодора ошибочно названа 16-я.

(αἰκία): чужеземец, ударивший гражданина, должен быть силой доставлен (ἀπαγέτω) последним перед лицо коллегии магистратов (ἀστυνόμοι), от решения которых зависит, будет ли он наказан или освобожден (Leg. 879de). На основании отрывка из «Менона» можно сделать прямой вывод о том, что в греческом полисном праве, включая, я думаю, и афинское, существовала тенденция использования апагоге против ксенов, в то время как граждане за аналогичные преступления подлежали преследованию по другой процедуре (ср. Aeschin. I.43 и 158). Менон говорит Сократу: «Ты достаточно мудр, чтобы не путешествовать на чужбине, ведь если бы ты стал так вести себя, будучи ксеном в другом полисе, тебя бы сразу же арестовали как колдуна: εἰ γὰρ ξένος ἐν ἄλλῃ πόλει τοιαῦτα ποιοῖς, τὰ γὰρ ὡς γόης ἀπαχθεῖς»⁴⁵.

Итак, мое предложение сводится к тому, что ксен, обвиняемый в убийстве, в Афинах привлекался к суду двумя способами: 1) таким же образом, как и граждане, обвиняемые в убийстве, т.е., как правило, по дике фону, но это только в том случае, если его правовое положение в Афинах определялось соглашением (συμβολαί) с его родным полисом, в котором оговаривалось убийство, или во времена первого и, возможно, второго морского союза (см. прим. 40) декретом архе о юрисдикции; 2) при помощи апагоге в той его разновидности, которая предполагала не γράφῃ, но укороченную процедуру, влекущую за собой разбор дела магистратом или коллегией магистратов (фесмофетами?), причем суровость наказания определялась, по крайней мере отчасти, статусом пострадавшего. Таким вот, *mutatis mutandis* (в отношении наказания и состава судей) был, как мне кажется, характер этой процедуры в случаях, подобных описанным в отрывках Aeschin. I.43 и 158.

Эта аналогия, конечно, спорна, поскольку мы не знаем, что последовало за арестом в данном случае. В сообщении Aeschin. I.158 мы видим обвиняемого, доставленного к архонту, и это все, а изложение события так напоминает анекдот, что его достоверность, даже в самом общем смысле, весьма сомнительна. Одним словом, если только логике моего предположения не соответствует сообщение Lycurg. Leocr. 121 (см. прим. 26), его нельзя подтвердить документально.

Альтернатива сводится к тому, чтобы считать, присоединившись к существовавшему до сих пор консенсусу, что ксены как таковые, — собственно, так же как и все не-граждане, поскольку некоторые исследователи включают сюда и рабов, — будучи обвиняемы в убийстве, попадали под действие Драконтова закона и подвергались судебному преследованию по дике фону. Ведь даже Мейдмент, чей скептицизм в отношении использования дике фону для преследования убийц-чужеземцев, подходит близко к моему, по-видимому, не думает, что чужеземцы вообще не имели права преследоваться по этой процедуре, предполагая лишь, что практика преследования по апагоге какургов была принята как более удобное альтернативное средство привлечения их к суду. Эта точка зрения, что ксен как таковой — независимо от того, попадал ли он под условия соглашений или других юридических предписаний, — подлежал в Афинах преследованию по дике фону, насколько я могу судить, также не может быть документирована (Ant. V, как я пыталась показать, не может служить доказательством). Более того, такой взгляд кажется мне противоречащим не только тому, что нам известно о законе Драконта, но также и признанному факту существования в афинской социально-правовой системе иерархии статусов и соответствующих отличий в правоспособности, которые засвидетель-

⁴⁵ Pl. Men. 80b. Липсиус (AR. P. 322, Not. 20) утверждает, что на основе этого отрывка нельзя сделать никаких выводов об афинских юридических процедурах. Но мне кажется, что можно, если иметь в виду, что Сократ мог быть ксеном только в каком-то другом полисе, и в то же время очевидно, что только в качестве ксена афиняне могли представить его преследуемым по апагоге за занятия магией.

станованы в источниках или могут быть выведены из самого факта различия в статусах. С другой стороны, апагоге в своей укороченной, наиболее сжатой форме, похоже, было исключительно удобной формой преследования тех свободных нарушителей, которые никоим образом не попадали под действие законов полиса.

THE «ALTOGETHER» XENOS AS KILLER

E. Grace

The author bases her analyses on several fragments concerning *apagoge* procedure. The case of Herodes discribed in the Vth speech of Antiphon is in the centre of the study. Giving a new interpretation to this case the author considers the origin and nature of *apagoge* procedure and its relation to the alien status of the defendet. The main conclusion is that a *xenos* accused in Athens of homicide was brought to justice in either of two ways: (1) by the same means as a citizen accused of homicide, i.e. as a rule by *dike phonou*, but thus only if his legal standing at Athens was defined by *symbola* with his home state which covered homicide or, during the first and perhaps also the second Athenian confederacy by arche jurisdictional decree; or (2) by *apagoge*, not of the *graphe* type, but of the short type, which led to jugement by a magistrate or board of magistrates, the severity of the punishment probably depending at least in part on the victim's status.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. ШОПЕНГАУЭРА